Стаканчик молока для Нюрки

Сентябрьская ночь 1942-го. На дне ямы, куда сбрасывают пустые венки с Леонтьевского кладбища, стоит худенькая девочка, дрожит от холода и страха. Слишком глубоко, самой не выбраться. Руки и ноги в крови от еловых веток. В яму Нюру посадил хозяин грядки с картошкой. Застал на поле в Пятовском, поволок за собой. У ямы зло прошипел: «Бить я тебя не буду, а вот спущу сюда». На поле Нюру привела соседка по бараку. Из ее комнаты по ночам пахло картошкой, то жареной, то вареной. Соседка сидела в тюрьме,

и Нюра ее боялась, но однажды набралась смелости и спросила: «Где ты картошечку берешь?» А она: «Пошли сегодня со мной!» Нюра на радостях схватила торбочку и побежала в чем была: в тапочках, легкой кофточке и без чулок. Пришли на поле. Нюра только склонилась над грядкой, хотела ботву дернуть и... ...Послышались звуки поезда. Кто-то протопал рядом в сапогах. Нюра застонала что есть мочи. Над ямой склонился военный с портупеей: «Девонька, да что ты тут делаешь? Озябла вон вся!» Мужчина протянул сумку, и Нюра схватилась за петлю, потом за его руку.

■ Анастасия СОЛОВЬЕВА

Не до учебников было

Это всего лишь один эпизод многотрудной и полной опасностей и невзгод жизни ветерана и труженика тыла Анны Ивановны Исаковой (Кузнецовой). Ей 93, а она, на удивление, помнит все, да еще в таких мельчайших подробностях, словно это было вчера.

Родилась Анна Ивановна в 1927 году в деревне Бараново Борисоглебского района Ярославской области. В семье пятеро ребятишек, она самая старшая. Жили бедно. Нюра с шести лет уже работала: ходила по домам убираться. «Потолки на печке мыла. Тараканы были, так палочку дадут и наказывают: «Нюрка, кирпичики-то немного протирай, а стеночки потри-потри, чтобы желтые были». Ухваты все палочкой вымоешь, скамеечки. Кусочек хлебушка сунут. Я кусочек братику и сестренке принесу».

Лен теребила-колотила вручную. Маленький валечек дадут, оденет передничек и сидит. Рожь молотила. Шуйку (шкурку от зернышек ржи) добавляли в картошечку, и мама пекла лепешки. А какая ловкая была! В 7 лет могла уже 10 коров отдоить! «Присядешь на табуреточку, к ляшечке облокотишься, и на пальчики еще вши от коровы наползут. Вычесываешь их потом гребешком». Мамина сноха в благодарность наливала Нюре стаканчик молока. Тайком, из-под подола. В колхозе строго с этим было.

В деревне была одноэтажная деревянная школа. С учебой у сообразительной Нюры все было гладко. Поначалу, правда, не давалась математика. Как-то решала задачку: 2 карандаша искусала. Пришел отец, поглядел строго так: «Ну что, мученица, больше тебе карандашей покупать не буду. Один 5 копеек стоит». Правда, Нюре всего пять классов окончить довелось. Не до учебников было.

Вологда приехала

В 1936-м нужда погнала семью Кузнецовых в город. Началась коллективизация: сначала увели коровку со двора, потом лошадку взяли... Глава семьи у переселенцев из Мологи купил недостроенную щитовую мазанку на берегу Которосли у бетонного моста. В Ярославле папа Иван Викторович устроился возчиком в конюшню на Малой Октябрьской. Мама не работала, все время хворала. Бывало, над деревенской девчушкой в школе подшучивали: «Вологда приехала!» Говорок окающий был. Ходила она в одном-единственном серо-бежевом платьишке из суровой ткани. Когда крестный Анны, мамин брат, купил девчушке трикотажный простой костюмчик – жакетку, юбочку, две пары трусиков и синие брезентовые тапочки, радости не было предела. В 1939-м, когда стали ломать мазанки, папе

Семья Исаковых. Анна - справа в первом ряду.

Анны дали ссуду 200 рублей, и он купил пятиметровую комнатку в пристройке к дому на улице Свободы, 8. У дверей печка и маленький столик с обрезанными углами. Окошко маленькое, как форточка.

Два кирпича

Анна Ивановна прекрасно помнит, как папа в 41-м уходил на войну. Всех собрал – Анну, ее брата Колю, сестру Зину – обнял, перекрестил и сказал лишь одно «Берегите маму!» Провожать его не ходили. Мама почти не вставала с кровати, страдала приступами малярии и ухаживать за 8-месячной Ниночкой не могла, все заботы легли на плечи Анны. У завода был киоск, там морс продавали. Анна покупала стаканчик, обмакивала в сиропе хлеб с куском сахара (сама она сахар никогда не ела), нажевывала его в тряпочку и давала сестричке вместо соски. Лебеду ели. Мама дала Анне загнутую железную палку, и она ходила на Леонтъевское кладбище, когда цвела березка. Наберет сережек целый фартук, высушит на печке, потом потрет, смешает с мукой и напечет оладий.

В 1942 году ввели карточки. А в семье работников-то не осталось! И пришлось Анне, которой еще не исполнилось и 15, устраиваться на завод. С оформлением вышла отдельная история. Начальница отдела кадров принимала на работу так: в отделе было высокое окошечко, у кого подбородок на окошко ляжет – того и берут. Анне отказали. Пришла она домой с горькими слезами. А мама и говорит: «Не беда. Вот два кирпича.

Положи их в сумку, одень мои туфельки на каблуках и, как придешь, сумку положи под окошечко и встань». Так Анна устроилась на завод № 599 (ныне моторный) ученицей станочницы. Но прежде надо было на завод с воинской площадки, что на Всполье, перетащить станки. Анна Ивановна вспоминает, как волокли их вчетвером по Горвалу в грязи по колено на канатах-веревках, а старичок на деревянной ноге, дядя Миша, подкладывал катки. Иной раз по два дня тащили с перерывами: все зависело от станка, какой он: строгательный, копировальный или самый тяжелый, обрезочный.

Милая, да как ты выжила?!

Сдавали экзамены – на какую операцию попадешь. Анну поставили на простейший. Позже ее перевели в цех зольщицей. Возила золу в огромных бочках на каре по Горвалу и засыпала ямы. Еще уголь в вагонетках – лебедка его тянет, а люди по краям толкают. Порядки царили строгие: Анна Ивановна до сих пор с дрожью в голосе вспоминает плакат, на котором огромными черными буквами было написано: «За опоздание на 5 минут 5 лет без суда. Сталин». Боялись проспать, сболтнуть лишнего. Видимо, от тех времен осталась привычка переходить в разговоре на шепот. Если приезжал военпред и по бумагам не хватало одного ящика снарядов, рабочих закрывали и оставляли на ночь, пока ящик не будет готов. В ящик бросали бумажки: «Бейте фашистов метко, а мы еще поработаем крепко».

В деревне Змеево, что под Рыбинском, Анна пилила бревна для закрытия блиндажей, а в 43-м под Александровом – сосны и ели для плавучих мостов. Ее хвалили, мол, Кузнецова какая ловкая, аж под корень пилит. Но что с тех похвал? Стояла по пояс в снегу. Валенок не было. На ногах, даже представить страшно, рукава от фуфаек, несгораемые пожарные рукава и ватные брюки. Одна брючина попалась худая, с заплаткой, и Анна отморозила колено. Марганцовки не было, грела ногу, делала компрессы из мочи. Червяки завелись, но боль утихала и можно было стоять на ногах.

Долго мучили и боли в желудке. А это оказался вовсе не желудок, а рассыпная грыжа белой линии живота. Диагноз выяснился уже в 1951 году, когда Анна попала в больницу на набережной. Тамошний хирург Кацюцевич аж за голову схватился: «Милая, да как ты выжила?!»

Самокрутки для папы

В одном повезло – вернулся с фронта отец. Анна Ивановна помнит и этот момент. Они уже жили в гнилом бараке на Слободской улице. Ночью мама приподнялась с кровати: «Анютка! Отец пришел, погляди, в дверях стоит!» Анна поглядела – никого. Еще подумала: почудилось маме. А через полчаса дверь открывается, на пороге папа с рюкзаком за плечами. Он подвозил снаряды на лошадях на передовую. Был тяжело ранен в руку. Ухнуло, лошади легли наповал, спина к спине, а он между ними. Тем и спасся. 9 месяцев пролежал в госпитале в Казани.

Отцу дали инвалидность, пенсию 12 рублей. Пока у него рука не работала, Анна его брила, стригла, мыла, даже козьи ножки научилась заворачивать. В гимнастерке со спущенным рукавом папа ходил по железной дороге, смотрел, не валяется ли то, что может в хозяйстве пригодиться. То поленце притащит, то еще что. Инвалида никто не трогал. Когда рука срослась, Анна пошла в отдел кадров с просьбой устроить его на работу. Его взяли в цех, где была конечная проверка деталей, обивать ящики.

Широкой души был человек. А добрый какой! Как-то в конце сентября в их дом постучались цыгане, отец и трое ребятишек. Так Иван Викторович снял с себя единственное, что у него было, гимнастерку, и отдал цыгану. Анна тогда еще обиделась, в эту гимнастерку она и сама наряжалась. А он ее одернул: «Молчи! Обойдусь! Фуфайка вон есть!» Потрясенный цыган высыпал на стол все, что им удалось собрать в дороге.

В чужом платье под венец

Иван Викторович ушел из жизни в 1975 году, в один год со вторым мужем Анны Николаем Александровичем, который пришел с фронта контуженым и болел. С ним Анна прожила почти 25 лет. Уважительный он был и экономный, копеечку берег. И ее очень любил. А познакомились так: она в трамвае ехала, он в автобусе. Увидел ее, с автобуса спрыгнул. С тех пор и не расставались. Свадьба была, грустно вспоминать: чужое платье, две подруги и два ведра браги, с которой потом маялись животами. Вырастили и сына Анны от первого брака Колю, и дочь Ольгу. Звали Анну замуж и третий раз, она была женщиной видной, но Анна Ивановна целиком посвятила себя детям и внукам. 17 лет отработала на ЯМЗ в разных цехах, в том числе в литейном, а потом где только не трудилась: и варщицей на пивзаводе, и кухонной рабочей, и проводником служебных вагонов, и уборщицей, дворником.... Работала, пока совсем болезнь не скрутила. Всего она перенесла 7 операций. На досуге любила шить и вышивать. До сих пор бережно хранит свою ножную швейную машинку. У Анны Ивановны Исаковой трое внуков и столько же правнуков.